Е41 447
К-847

А. КРУЧЕНЫХ

ЧОРНАЯ ТАЙНА ЕСЕНИНА

ИЗДАНИЕ АВТОРА
МОСКВА 1926

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Замечено, что к каждому более или менее значительному писателю прицепляется обычно какое-нибудь ходячее меткое определение сущности его творчества, каковое определение в литературном «паспорте» писателя является как бы его званием. К Чехову быстро прилепилось: «певец сумерек». А вот относительно Есенина до сих пор решить не могут, что он собственно такое: «певец деревни», «поэт Москвы Кабацкой», то ли — «певец Руси уходящей», и сколько еще этикеток приклеивают к Есенину. И все это в некоторой мере верно, но — верно не до конца. Кажется, только одно определение полно и непререкаемо останется за ним: Есенин — поэт безнадежности и самоубийства.

http://ruslit.traumlibrary.net

- Алексей Елисеевич Крученых
  - ○
  - ○
  - ○ Чорная тайна Есенина
  - ○ Книги А. Крученых
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

Алексей Елисеевич Крученых
Чорная тайна Есенина

Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

(С. Есенин. «Москва Кабацкая»)

А. КРУЧЕНЫХ

ЧОРНАЯ ТАЙНА ЕСЕНИНА

1. ТРАУРНЫЕ КАТАФАЛКИ
2. ЧЕГО НЕ ЗНАЮТ О ЕСЕНИНЕ
3. ВО ВНЕ ИЛИ ВНУТРИ?
4. МАНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
5. ЧОРНЫИ ЧЕЛОВЕК

ПРОДУКЦИЯ № 136

Портрет Есенина на обложке
и рисунок В. Кулагиной

ИЗДАНИЕ АВТОРА
МОСКВА 1926

Чорная тайна Есенина

Замечено, что к каждому более или менее значительному писателю прицепляется обычно какое-нибудь ходячее меткое определение сущности его творчества, каковое определение в литературном «паспорте» писателя является как бы его званием. К Чехову быстро прилепилось: «певец сумерек». А вот относительно Есенина до сих пор решить не могут, что он собственно такое: «певец деревни», «поэт Москвы Кабацкой», то ли — «певец Руси уходящей», и сколько еще этикеток приклеивают к Есенину. И все это в некоторой мере верно, но — верно не до конца. Кажется, только одно определение полно и непререкаемо останется за ним: Есенин — поэт безнадежности и самоубийства.

С самых юных лет, с самых ранних стихов и до трагической смерти поэта — во всех его произведениях чорной нитью проходит мотив безвыходного отчаяния.

Недостаток места не позволяет нам выписать все соответствующие строки и строфы (Мы проследим только «Избранные стихи»[1], «Березовый ситец» и «Москву Кабацкую»:

…теперь вся в крови душа…
Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

«Чистоты сердечной» не удержал. В убийство или самоубийство, так или иначе — чорная гибель.

Далее идут чрезвычайно примечательные строки:

Ведь не осталось ничего
Как только желтый тлен и сырость…
…И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

Полюбить тоску. Есенин, как поэт, именно *полюбил* тоску и безнадежность. Раз появившись в его стихах, эта тема развилась, окрепла, овладела всем творчеством поэта и, наконец, им самим. И отказаться от нее он уже не может. Она чем то прельстительна

для него; он ее, сам не всегда это сознавая, — любит.

Мир Есенину кажется неприветливым и чужим. Смерть — блаженный исход «к неведомым пределам» —

…Устал я жить в родном краю…
…Языком залижет непогода
Прожитой мой путь…
…И я уйду к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев…

С каждым годом, с каждым стихотворением, все темнее и неприятнее жизнь, все страшнее неизвестный преследователь:

И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище,

Чорный враг — кажется Есенину — подстерегает поэта на каждом перекрестке его пути. И поэтому — что жизнь? Она не нужна и призрачна, хотя бы потому, что она более призрачна, чем тоска и отчаяние; вся жизнь — как дым.

Все пройдет, как с белых яблонь дым…
…Все мы, все мы в этом мире тленны…
…*глупое* счастье.

Радость жизни для Есенина — «дым». Поэтому смерть, гибель кажутся ему единственной реальностью.

И я, я сам
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.

Это — приговор самому себе. Этот приговор был бы несправедлив, если бы Есенин крепко и по-настоящему пожелал другого. Но этого сделать он не смог.

Он не сумел разглядеть той жизни, которая могла бы повести его по другому пути. А та жизнь, которую он видел, жизнь Москвы Кабацкой, жизнь в беспросветном разгуле — всякому, не только Есенину, показалась бы «дымом» и «тленом» — «ржавой мретью», как пишет Есенин в одном «кабацком» стихотворении:

Нет, уж лучше мне не смотреть,

Чтобы вдруг не увидеть хужева.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду турить глаза и суживать.

И вот, щуря и суживая глаза, Есенин увидел только «продрогший фонарь», на котором в «стужу и дрожь» можно повеситься.

На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог…

Необходимо отметить, что самый образ чорной могилы, темноты, появился в стихах Есенина задолго до написания поэмы «Чорный человек»,

Перед нами, например, сборник стихов Есенина «Березовый ситец». Достаточно просмотреть внимательно весь сборник, чтобы почти на каждой странице наткнуться на образы, из которых впоследствии должен вырасти Чорный человек.

Бродит чорная жуть по холмам,
Злобу вора струит наш сад…

Чорная жуть — это тот первородный хаос, который в последующих стихах постепенно примет форму и вид Чорного человека, обличителя и преследователя. Недаром же, после «Чорной жути» сейчас же идет двустишие, выражающее самоосуждение, самобичевание.

Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Тема смерти, как и тема самобичевания, живет в стихах Есенина давно. Чорный человек, читающий «мерзкую книгу» книгу над поэтом,

Как над усопшим монах,

еще не появился. Но в «Береговом ситце» читаем:

Каждый сноп лежит, как *желтый труп*.
На телегах, как на катафалке,

Их везут в могильный склеп — овин.
Словно *дьякон*, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

(Песнь о хлебе)

И все кругом рисуется поэту в мрачных кладбищенских образах:

Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост…

Все природа хмурится и почернела:

Вечер *черные* брови насопил.
Чьи то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил.
Разлюбил ли тебя не вчера?

(«Москва Кабацкая», Ленинград, 1924 г.).

(Кстати, в беседе со мной Есенин подтвердил, что надо читать «насопил», а не «насупил», как ошибочно напечатано в издании «Круга»). И вслед за этими «чорными» строчками такое нервическое всхлипывание:

Не храпи, запоздалая тройка.
Наша жизнь пропаслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Э. Крепелин[2] замечает о настроении больных Корсаковским психозом (сильная степень алкогольного психоза):

> «Настроение у больных вначале бывает в большинстве случаев тревожное, позднее становится довольно безразличным, тупым, временами подозрительным и раздраженным…
>
> Обыкновенно их расположение духа легко поддается стороннему влиянию и при случае переходит в поверхностную, слезливую чувствительность».

Действительно, Есенин легко впадает в слезоточивость, но

довольно поверхностную, о чем говорит хотя бы сильная избитость образов и слов его под-цыганских стишков:

— Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый, облик милый,
Лишь одну не забуду тебя.

Это все из того же стихотворения: «Вечер черные брови насопил». Но вернемся к нашей основной теме.

Благодаря изначальной мрачности есенизма, так любы Есенину образы смерти, ночи, тьмы, так любо ему самое слово «мрак»:

…Нощь и поле и крик петухов…
…Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму,
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Утверждения момента жизни, радости, света — в стихах Есенина нет никогда. Иногда он робко сомневается:

Я не знаю — то свет или мрак?

Но сейчас же забывает о сомнительно мелькнувшем свете, и опять тут же: «лесная дремучая муть», а дальше — «мрак, тьма, ночь, смерть, чернота».

Иногда он истерически — настойчиво пытается уверить и самого себя и читателя:

О верю, верю! счастье есть!
Еще и солнце не погасло.

Но здесь же, в этом же стихотворении оказывается, что счастья, в сущности, никакого нот, а есть только «грусть» да —

Благословенное страдание,
Благословляющий народ.

Что ж, как его ни благословляй, оно страданием и останется!

А на следующей странице образ счастья окончательно развенчан и отвергнут:

…Вот оно, *глупое* счастье.

И понятно, что еще до наступления периода предельного отчаяния, периода «Чорного человека» — вся эта мрачность психики, усиленная и укрепленная соответственной поэзией, — дает себя знать:

…Скучно мне с тобой, Сергей Есенин…
…Или, или, лима Савахфани,
Отпусти в закат.

Все это мечты о закате последнем, о смерти. И самую жизнь хочет поэт сделать похожей на смерть:

Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее болото лип.

Не последнее ли отречение от жизни звучит в этом совете *живому*: «будь холоден, как *мертвые* осенние листья»?… Недаром же в конце книги «Березовый ситец» целый отдел носит заглавие «Мреть» (мрак, морок, мерцание). Первое стихотворение в этом отделе «Песнь о хлебе», в котором летние полевые работы (жатва) изображены, как настоящая «мрет»: здесь «убийство», «желтые трупы», «катафалки», словом — «погребальный чип» (цитату см. выше). Дальше — стихотворение о том, как «бродит чорная жуть по холмам» (о нем также сказано выше) и наконец, знаменитые заключительные строки последнего в этом отделе стихотворения:

Будь же ты во век благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Те же «смертельные» покойницкие образы и настроения мы в изобилии встречаем в небольшой книжке Есенина «Избранные стихи».

…И не обмытого меня
Под лай собачий похоронят…
…Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча

И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

Как будто дьячек вздумал стихи писать!

Панихидный справлялся пляс…

Замечательно, что не только собственное будущее поэта представляется ему похоронно-мрачным, но и будущее всего окружающего.

Почти в одних и тех же выражениях он пишет и о себе:

И меня по ветряному свею
По тому ль песку
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И про старую, обреченную на смерть корову:

Скоро на гречневом свее
С той же сыновней судьбой
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

И все животные у Есенина, в соответствии с его настроением, — жалостные, нездоровые, слезливые и умирающие (и корова, и лисица, и собака). Так Есенин, не сумевши найти жизненной радости внутри себя, не сумел увидеть ее и во внешнем мире. И так неприветливо, мрачно и страшно вокруг, что другого объяснения всему атому не придумаешь, кроме:

Запутала нас сила нечистая,
Что ни прорубь — везде колдуны…

А под конец жизни Есенина «нечистая сила» окончательно осмелела, вылезла ив проруби, воплотилась в образе Горного человека и в этом виде «запугала» поэта, в буквальном смысле слова, — до смерти. Но еще раньше везде чудилась эта смерть поэту:

В роще чудились запахи ладана

В ветре бластились (?) стуки костей.

И сам Есенин чувствует, что он попал в замкнутый круг самоубийственной безнадежности:

Я знаю.
Не вылечить души…
Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать не то, что дал…

Во всяком случае Есенин дал в своей поэзии не то, что следовало дать современному читателю. Это иногда понимал сам Есенин, понимала это и критика. Вот что пишет о Есенине, например, П. С. Коган в книге «Литература этих лет».

— «Нет поэта, более далекого тому, чем наполнен воздух современности… Он (Есенин) знает, что ему не уйти от этого (старого) мира».

Впрочем, Коган объясняет мрачность образов Есенинской поэзии исключительно тем, что Есенин, мол, в своих стихах изображает старую деревню, гибнущую в борьбе с городом. Отчасти это, пожалуй, верно, но лишь отчасти. Дело в том, что мрачность поэзии Есенина обгоняется не только этим. Есенин носил «Черный призрак» внутри себя. Психика поэта была окрашена мрачностью и болезненной безнадежностью. Поэтому деревня ли, город ли, борьба ли, примирение ли — ему, в сущности, все равно: везде смертная тоска, увядание, гибель; и в полдень, среди жатвы, он видит катафалки.

Бродит черная жуть по холмам.

Эта «чорная жуть» не из внешнего мира вошла в стихи Есенина. Наоборот, он ее, как и свое настроение, привносит во все изображения внешнего мира. Этого, обыкновенно, критика не заметает или старается не замечать. А жаль: только таким путем, какой мы наметили в настоящей работе, можно объяснить темные стороны творчества Есенина; только приняв во внимание бредовую технику поэта и разобравшись в ней, можно понять, как он под конец жизни пришел к «Чорному человеку» и к самоубийству.

А это стремление у Есенина неистребимо. Сначала оно

проявляется только в стихах. Впоследствии факт литературный становится фактом реальным. Иначе и быть, пожалуй, не могло: в стихах проявляются скрытые пружины психики поэта; рано пли поздно эта тенденция должна была прорваться в действительность.

— «Число людей, у которых действует с известной силой тенденция к самоуничтожению, гораздо больше того числа, у которых она одерживает верх.... и там, где дело доходит до самоубийства, там... склонность к этому имеется задолго раньше, но сказывается с меньшей силой или в виде бессознательной и подавленной тенденция» — вот что пишет по интересующему нас вопросу проф. З. Фрейд в книге «Психопатология обыденной жизни».

Есенин, к несчастью, оказался ив тех людей, у которых тенденция к самоубийству в конце концов одержала верх. Но предварительно она укреплялась и росла в сфере бессознательного, прорываясь в темах и образах стихотворений Есенина.

Таким образом, ничего случайного нет в том, что поэт оказался пророком, предсказывая себе самоубийство.

Стихотворные (и литературные вообще) образы всегда являются как бы исполнением скрытых, вытесненных желаний автора. В большинстве случаев, — другого, реального исполнения, эти желания уже не требуют: поэт от вытесненного стремления «отделывается стихами», по выражению Пушкина. Однако, в — тех случаях, когда стремление это очень сильно, «отделаться стихами» нельзя: стихи не уничтожают, но усиливают его. Образ, созданный в порядке литературного творчества, начинает как бы жить самостоятельной жизнью и стремится воплотиться, стать подлинной действительностью. При большой направленности сознания (или бессознательного) в данную сторону, поэт нередко осуществляет в жизни то, о чем ему прежде довелось написать в стихах; стихотворный образ вылетает ив книги и облекает плотью и кровью. Когда сопоставляешь «висельные, конченные безнадежные стихи»[3] Есенина с фактом его смерти, невольно напрашивается вопрос: не является ли в конце концов самоубийство Есенина — воплощением образа, им самим созданного? По всей вероятности, на этот вопрос правильнее всего дать положительный ответ. Но с полной и окончательной уверенностью может разгадать эту тайну психоаналитик или психиатр, а не литературный критик. Мы поставили этот вопрос и надеемся, что в настоящей статье будущий исследователь найдет некоторый материал для ответа. В наши же задачи входит проследить развитие в плоскости

литературной тех образов, которые впоследствии так или иначе были повторены действительностью. Отчасти это уже сделано в начале статьи. Обратимся теперь к самому показательному в этом смысле произведению Есенина. Мы говорим о поэме «Чорный Человек», помещенной в первой книге журнала «Новый Мир» за 1926 год.

«Чорный Человек» — поэма о бреде, галлюцинациях — словом, о душевной болезни и, если хотите, — поэма о бедой горячке.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь
Осыпает мозги алкоголь.

Так, уже с первых строк начинается бред. В самом деле разве не бредовой образ — «мозги, осыпающиеся от алкоголя, как сентябрьская роща»? Образ в достаточной мере сложен и в тоже время он как-то ужасающе прост: с одной стороны — сравнение по очень отдаленному, в конце концов, даже примышляемому, сходству; с другой стороны — почти видимость, почти ощутимость дряблого, как лист осенний, сыплющегося в бездну мозга.

Может быть именно благодаря всему этому, с первых же строк поэмы читатель уверен: это не просто литература, это — что-то неимоверно близкое к жизни самого поэта, это, может быть — дневник.

Вся буйная и безумная жизнь Есенина ярко рисуется в строках поэмы:

В книге (речь идет о книге жизни поэта)
много прекраснейших
Мыслей и планов.

Но эти «мысли и планы» не осуществляются, высокая и прекрасная жизнь остается только в области мечтаний, а на самом деле

Был человек тот — авантюрист

И тут же — попытки какого-то печального самооправдания:

Но самой высокой
И лучшей марки.

«Авантюрист» — так характеризует поэт самого себя. В этой характеристике звучит большая горечь: ему так хотелось бы, вместо циничной холодности авантюриста, найти в себе силы на искреннее, непосредственное чувство. Он пытается искать «спасения» в любви. Некоторое время ему кажется, что спасенье найдено; в «Москве Кабацкой» еще проблескивало:

Ты явилась, как спасенье
Беспокойного повесы.

Но это — обольщение, и долго оно существовать не может. Ко времени написания «Чорного Человека» у поэта создается хронически-отрицательное отношение к любви. Оно чрезвычайно ярко выразилось в следующих, например, строчках:

…И какую-то женщину
Сорока с лишним лет
Называл скверной девочкой
И своею милой.
— Счастье — говорил он —
Есть ловкость ума и рук.

И больше — ничего. Любовь, в которой он пытался найти спасенье, оказалось только «чувственной вьюгой», «чувственной дрожью» (Сравни «Москва Кабацкая») и поэтому не спасительной, но гибельной.

Женщины оказались «легкодумными, лживыми и пустыми». («Чорный Человек»). Вообще из последних стихов Есенина видно, что он не хочет любви и боится ее. Кажется, кроме призрака чорного человека, его преследовал призрак некой чорной женщины, которая была ему не менее страшна.

И все на земле ему было страшно и противно под конец жизни.

Прежде он воспевал восхищенно «Русь», «Страну родную», а иногда (хоть и неудачно), «Страну Советскую». Теперь и родина ему опротивела:

Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

Так Есенин разочаровался решительно во всем — и сам наметил своей конечной целью — самоуничтожение.

Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

(«Москва Кабацкая»)

Которая и показана в «Чорном Человеке»:

И, гнусавя надо мной,
Как над **усопшим** монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги.
Нагоняя на душу тоску и страх.
Чорный человек,
Чорный, чорный…

(Чорный монах, читающий над усопшим — типичная галлюцинация при белой горячке).

«Чорный Человек», как произведение литературное, страдает целым рядом промахов и недостатков. О них мы поговорим ниже. Но приходится признать, что некоторая убедительная правдивость в поэме наличествует — не потому ли, что призрачный образ Чорного человека для Есенина был последней и непревзойденной реальностью?

Безумие, бред, с которого начинается поэма — уже во второй строфе разрастается до пределов полной галлюцинации:

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица,
Ей на шее ноги
Маячить больше не в мочь.
Чорный человек,
Чорный чорный,
Чорный человек.
На кровать ко мне садятся

Чорный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Это уже сплошной бред, душевный тик. «На шее ноги» — образ, нормальным сознанием почти не воспринимаемый.

Если эти стихи показать врачу-психиатру, он, конечно, не скажет: «имажинизм» или «крестьянская поэзия». Он скажет: «бред преследования» и будет прав.

Действительно, если мы проследим бредовые образы поэмы «Чорный Человек» и сравним их с бредовыми образами, которые видит больной в белой горячке, — мы увидим, что образы эти, в сущности, одни и то же. Вот как описывает Э. Крепелин бред при delirium tremens, психическом заболевании, являющемся следствием «продолжительного злоупотребления алкоголем».

> — «Зрительные обманы носят необычайный характер.
>
> Больной видит „стеклянных людей“, — „всадника — на ходулях“…
>
> Некоторые восприятия могут наводить на него страх: черные люди… огненные всадники… привидения».

Неправда ли, эти цитаты из учебника психиатрии чрезвычайно напоминают выдержки из поэмы Есенина «Чорный человек»? Далее это сходство еще разительнее:

> «У двух черных людей вырастают из рук мыши. Нередко разыгрываются более или менее сложные события.
>
> В комнату врываются люди… К обманам зрения присоединяются обманы слуха, в форме человеческой речи.
>
> В большинстве случаев голоса… всячески бранят и грозят ему (больному). „Что это за оборванец“. — слышит он; „он лентяй, сволочь, лжец“… „Ты никуда негодный человек“. „Мы его умертвим, его песенка спета“. „Эй, ты, бродяга“.»

Мы позволим себе еще раз привести соответствующие цитаты из «Чорного человека»:

> …Какого-то прохвоста и забулдыги…
> Самых отвратительных громил и шарлатанов.

И опять из Крепелина:

> — «Больные видят беспутства, совершаемые девушками и мужчинами».

И — соответственно — из Есенина:

> Может, с толстыми ляжками
> Тайно придет «она»
> И ты будешь читать
> Свою дохлую, томную лирику…
> …Как прыщавой курсистке
> Длинноволосый урод
> Говорит о мирах,
> Половой истекая истомою,

Так, мы видим, что образы «Чорного человека» являются не столь интуитивно — поэтическими образами, сколь практически клиническими.

В воспоминаниях о Есенине А. Воронский пишет («Красная Новь» № 2, 1926 г.):

> Несомненно, он болел манией преследования. Он боялся одиночества. И еще: передают — и это проверено — что в гостинице «Англетер» пред своей смертью, он боялся оставаться одни в номере. По вечерам и ночью, прежде чем войти в номер, он подолгу оставался и одиноко сидел в вестибюле.

Развитие этой мании — тема «Чорного человека».

В первой строфе еще мелькает проблеск сознания.

> Друг мой, друг мой,
> Я очень и очень болен.

Во второй строфе призрак уже не кажется поэту следствием болезни или «осыпающего мозги алкоголя» — призрак стал самостоятельной реальностью. Мы имеем право предположить, что этот призрак долго рос и развивался в сознании поэта; он является последним, суммированным воплощением всего ужаса безвыходности и самоосуждения, который сопровождал Есенина на протяжении всего его творчества.

> Чорный человек

Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя ни, душу тоску и страх.

Разве мы не слышали нарастания этого настроения в прежних книгах Есенина, в таких, например, строках:

Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор…

(Сравни: «прохвост и забулдыга»),
Или еще:

Я такой же, как вы, пропащий.

Вот из всего этого самобичевания и вырос, в конце концов, Чорный человек, который «глядит в упор»:

Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

Личность героя поэмы (может быть, самого поэта) здесь уже не только «раздваивается», более того — она распадается на три почти самостоятельных комплекса. Два из них видны сразу, с первого взгляда: это, во-первых, действующее лицо поэмы и во-вторых — Чорный человек, который является ничем иным, как проекцией во вне, внутренних переживаний. Но есть и еще один, есть третий. Образ его мелькает в строке —

Обокравший *кого-то*.

Кого же? И по ходу поэмы и по предыдущим стихам Есенина можно сказать, что этот «кто-то» — опять-таки сам герой поэмы (или сам поэт). Это тот самый же Есениным «загубленный мальчик»

Желтоволосый
С голубыми глазами,

о гибели которого неоднократно скорбит автор. Этот «обокраденный» «кто-то» — Есенин — юноша, прошлое, ушедшая молодость, прежняя радость, навсегда потерянная возможность настоящей здоровой жизни. Этот «кто-то» есть опять-таки проходил во вне, на этот раз проекция своего собственного идеализированного «я», точно также, как чорный человек есть проекция во вне «я» — этического, осуждающего и издевающегося — жестокой совести.

Проецирование во вне внутренних психических состояний свойственно каждому поэту; для Есенина оно особенно характерно (см. об этом также в нашей книжке «Есенин и Москва Кабацкая»).

Есенин пытался спасти «желтоволосого мальчика» из «простой крестьянской семьи» и пытался бороться с «Чорным человеком».

Просматривая стихи Есенина, мы убеждаемся, что он порывался вернуться в деревню, вернуться к прежней жизни; он попробовал было поехать в родные места, но там сразу же убедился в том, что:

Язык сограждан стал мне как чужой
В своей стране я словно иностранец

и что:

Моя поэзия здесь больше не нужна
Да и пожалуй сам я тоже здесь не нужен.

Следовательно, «желтоволосый мальчик» погиб навсегда. Остался «скандальный поэт», «пропащий», перед которым «чорная гибель». (Все эти выражения взяты нами не разных стихотворений Есенина).

И вот к атому пропащему, «прохвосту и забулдыге» приходит чорный человек, рассказывающий ему о его погибшей жизни. Чорный человек чрезвычайно назойлив и жесток: особенно неприятные вещи он повторяет несколько раз — «жулик и вор, шарлатан», «называл скверной девочкой» и т. д. А за ним стал метаться и повторяться и герой поэмы. Наконец, он делает последнее усилие. Если не удалось ничто другое, может быть

удастся уничтожить страшный призрак Чорного человека

— Чорный человек.
Ты — прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится.
Я взбешен, разъярен
и летит моя трость
прямо к морде его,
в переносицу…

Но так бороться с призраками нельзя. Так можно на миг разбить галлюцинацию, но она должна появиться снова и с прежней силой, потому что причины, вызвавшие ее, не уничтожены.

Трость попадает «в морду» Чор-человеку, он, казалось бы, исчезает:

Я в цилиндре стою,
Никого со мной нет.
Я один…
И — разбитое зеркало.

Зеркало разбито — и только зеркало. То, что отражалось в нем — «я» осуждающее — не умерло, оно только загнано внутрь, «вытеснено» из области сознательного, выражаясь языком психоанализа. Но, вытесненное, продолжает жить в бессознательном и только ждет случая вырваться на свободу. Когда душевный конфликт окончательно созревает — вытесненный комплекс проявляется с полной силой. Тогда начинается психоз, безумие. Так должно быть. Так было и с Есениным, Чорный человек исчез в чорном провале разбитого зеркала. Но то смятение, отчаяние, болезненное самоосуждение — все, что воплощалось в образе Чорного человека — в один печальный день вырвалось на свободу и привело Есенина к самоубийству — может быть поэт еще раз пытался уничтожить своего врага, но снова оказалось, что он боролся с самим собой…

Как видим, поэма «Черный Человек» является чрезвычайно важным материалом для исследования психики автора. Но и только. Как *литературное произведение* — «Чорный Человек», в конце концов, ничего чрезвычайного собой но представляет. Если «Чорный человек» как-то волнует читателя, то это происходит совсем не вследствие художественных достоинств поэмы.

Рассматривая «Чорного человека» с точки зрения чисто литературной, мы сразу видим, что все образы его, прежде всего, не оригинальны. По поводу фигуры самого «чорного человека» сразу приходит на мысльи чеховский «черный монах» и «черный ворон» Эдгара По, и еще десятки литературных черных масок, привидений, вестников безумия и смерти.

Шестикратное повторение слова «чорный» на протяжение шести строк тоже имеет уже литературную давность. Вспомним хотя бы Апухтина:

> — Чорные мухи, как мысли всю ночь
> не дают мне покою…

и через несколько строк опять:

> — Чорные мысли, как мухи…[4]

и многое другое. Неужели, в самом деле, нельзя выразить ужас иначе, как повторяя «чорный, черного, черному» в т. д. В наше время таким приемом и детей не настращаешь.

Не менее известен с давних пор образ книги, по которой читаются «грехи» всей жизни человека.

Все это, однако, нисколько не мешает тому, что «Чорный человек» является одной из наиболее ярких вещей Есенина. При всех своих технически-литературных недостатках, «Чорный Человек» убедителен, и несмотря на давно использованные приемы — иногда по настоящему жутко от этой поэмы. Это выясняется тем, что она, пожалуй, так же написана кровью и нервами, как последнее стихотворение Есенина.

Может быть — «Чорный Человек» не вполне — литература. Но именно потому, что он в большой мере правда, он и производит впечатление (правда, несколько иного порядка, например, как «человеческий документ», — дневник, последняя записка и проч.). А правдива поэма потому, что в каждой строке ее слышится: именно к этому должен был привести поэта его путанный, гибельный путь. «Чорный Человек» — это последний, предсмертный крик.

Есенину, оторвавшемуся от прежней своей среды (деревни) и заблудившемуся в гибельной среде «Москвы Кабацкой» — некуда было деваться, иначе, как в психоз и самоубийство.

Психоз у него начинался; это нам известно из биографических данных (см. в некрологах), это ужо известно, в конце концов, и из поэмы «Чорный Человек». Самоубийство было

трагическим завершением душевной болезни.

И повторяем, иначе было невозможно. Есенин потерял почву под собой. Под конец своей жизни он не был связан ни с каким классом, ни с какой общественной ни даже литературной группой. Одиночество, о котором он так часто пишет в своих стихах, было, таким образом, далеко не призрачным. В своей поэзии он жил словами и мотивами, которые потеряли всякое значение и смысл в современной жизни (то церковные, то апухтинские). А других образов, соответствующих настроению и быту теперешней — в целом Советской, а не кабацкой — Москвы, он найти не мог. Есенин был некрепок и оторван от жизни, а оторванность от жизни — худший и губительнейший вид одиночества, особенно для *тоскливцев*. И именно эта изолированность от окружающего, от всего нового и свежего, сделала Есенина таким, каким он был. Теперь это уже ясно многим исследователям его творчества. «Есенин был изломанным человеком» пишет Вяч. Полонский в статье «Памяти Есенина», помещенной в первой книге журнала «Новый мир» за 1926 год, в той же книге, где напечатан «Чорный человек».

— «Поэмы и песни его были подлинным существованием, мучительным и не удовлетворяющим».

«В тесной связанности поэзии с внутренней жизнью, в лирической настроенности его души — ключ к его драме. Жизнь — „каторга чувств“, а поэт — осужденный „вертеть жернова поэм“. Такова судьба стихотворца, замкнувшегося в узком кругу лирики. А выхода из него Есенин не нашел»…

И вот, не найдя выхода из круга, не увидев ничего вне этого круга — Есенин нашел внутри его — страшный призрак «Чорного Человека». В конечном счете возможно, что Чорный Человек — это призрак навсегда ушедшего черного прошлого. Есенин хотел уйти от него, пытался бороться с нам но — это не удалось.

…— «Теперь уже ясно, — продолжает Вячеслав Полонский, — что его (Есенина) устами свои последние… песни пропела „Русь уходящая“, точнее — верхний ее социальный слой, который один только и мог выдвинуть своего романтика».

И дальше замечает Полонский:

— Есенин «избегал городских мотивов. Они не были созвучны его поэтическому сознанию».

Когда же он пытался, преодолев себя, писать о городе, образ его получался «унылым и безжизненным». — «Есенин ничего не разглядел в городе». Однако, городская культура является центральным звеном в современности. Есенин смутно чувствовал это, но, к сожалению:

— «в сознании романтического поэта это обстоятельство

отразилось в виде конфликта между его поэтическим мироощущением и действительностью. Здесь источник той главы биографии Есенина, которая обозначена длинным рядом скандалов поэтических и не поэтических… В бытовом, житейском разрезе его лирический мятеж принимал уродливые формы».

Вяч. Полонский совершенно прав. Конфликт между внутренними переживаниями и действительностью привел Есенина ко всему тому, что изображено в поэме «Чорный Человек» и прежде всего — «к осыпающему мозги алкоголю». Так понимает это и Полонский. «Здесь… лежит причина его (Есенина) страсти к вину, в последние годы принявший чудовищные размеры». «А от алкоголя до самоубийства — один шаг». «Достаточно прочесть поэму „Чорный Человек“ — Есенин работал над ней последние два года — чтобы почувствовать мрак, сгущавшийся в его душе».

Действительно, если *два года* накапливалось то настроение, в котором Есенин находился последние дни своей жизни, то оно должно было достигнуть страшной силы, с которой бороться ужо бесполезно. (Насколько нам известно, «Чорный человек» напечатан в несколько укороченном виде. В самом деле — четыре страницы — для Есенина очень малый результат двух-летней работы).

Призрак «Чорного Человека», уже почти сформировавшийся, два года сопровождал Есенина, два года жил в расстроенном сознании поэта. Невольно начинает казаться, что воплотившись окончательно, он и стал последним поводом, последней побудительной причиной к самоубийству. Есенин захотел сразу от него отделаться — и вот… Есенин погиб…

Думается, что можно сделать некоторые выводы из поэмы о Чорном человеке, который привел поэта к смерти. А выводы эти сводятся к следующему. Если один из известных поэтов два года (а может быть и гораздо больше), думал о Чорном человеке (а может быть и видел его), то несомненно, что и в нашей поэзии и в пашей поэтической среде еще не окончательно уничтожены темные призраки прошлого — безнадежный пессимизм, чертовщина-мистика, больная усталость. С ними необходимо бороться. И, прежде всего, необходимо найти правильные методы этой борьбы Дело вовсе совсем не в том, чтобы поэты обязательно начали писать «р-революционные» стихи. Есенин иногда пытался делать это, и все-таки не нашел спасения. Его стихи о революции оказались только «р-революционными» в кавычках.

От призраков, вроде «Чорного Человека», нужно уходить не в псевдо-революционную трескотню, а просто в подлинную, явственную реальную жизнь, в работу.

Задача критики — указать на это поэтам, идущим по сумеречной дорого есенизма. Задача поэтов — перестать замыкаться в узком кругу личных переживаний, перестать «щурить глаза и суживать» и просто оглянуться кругом. Мы не хотим, конечно, сказать, что никто из поэтов не сумел сделать этого. Но несколько «есенистов» в современной литературе еще, несомненно, существуют. Вот им то и их читателям и необходимо показать всю гибельность их пути.

Что же касается самого Есенина, то его произведения, думается, можно печатать только в сопровождении литературно-разъяснительных статей (а может, даже медицинских), чтобы вскрыть всю опасность некоторых есенинских настроений. Так можно их обезвредить. Иначе, возможно, что эти сгущавшиеся в продолжении ряда лет настроения, отравят и читателей и поэтов — и тогда Чорный Человек воплотится снова и с новой силой, чего, конечно, допускать ни в коем случае не следует. «Чорный человек — прескверный гость» и лучше перед ним не открывать дверей советской литературы.

К сожалению, приходится отметить, что если кое-какой здоровый реалиям в нашей литературе есть, то здоровая фантастика как-будто еще не найдена. А найти ее необходимо, потому что совершенно изгнать фантастику из литературы нельзя, но крайней мере — в настоящее время. Мы сейчас, конечно, едва ли можем сказать, какова именно будет эта желательная фантастика. Мы твердо убеждены в том, что здоровая фантастика возможна, и что она не имеет ничего общего о чор-человеком — призраком алкогольного психоза и самоубийственной безнадежности.

Чор-человек сыграл некоторую роль в гибели Есенина. Все, кому есть дело до литературы, обязаны не допустить, чтобы этот покойницкий призрак, хоть на короткое время, вновь появился и захозяйничал в сознании пишущих и читающих.

Книги А. Крученых

1925-6 г.г.

126. А. Крученых. — «Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова». М. 1925 г.

127. Его же. — «Заумный язык у Сейфуллиной. Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, Ар. Веселого». М. 1925 г.

188. Его же. — «Записная книжка Велемира Хлебникова». М. 1925 г.

129. Его же. — «Язык Ленина». М. 1925 г.

130. Его же. — «Фонетика театра». 2-е изд. М. 1925 г.

131. Его же. — «Против попов и отшельников». М. 1925 г.

132. Его же. — Ванька-Каин и Сонька Маникюрщица.

133. Его же. — Календарь.

134. Его же. — Драма Есенина.

134а. Его же. Гибель Есенина.

135. Его же. — Есенин и Москва Кабацкая.

136. Его же. — Чорная тайна Есенина.

notes

Примечания

1

Изд-во «Огонек», Москва, 1925.

2

Э. Крепелин. — «Учебник психиатрии для врачей и студентов» Т. II.

3

А. Воронский — «Литературные типы»

4

Цитирую по памяти.